

Этнополитические конфликты и динамика национального самосознания россиян¹

В докладе Т.И.Заславской достаточно подробно охарактеризованы внутривидовые сдвиги в России. Однако не менее важен и тот вектор динамики, который задается процессами регионализации, национального самосознания, обособления местных интересов, становящегося федерализма.

Как показали декабрьские выборы 1995 г. в Государственную Думу, массовое сознание находится в том самом состоянии, к которому стремились в конце перестроечного периода — деидеологизации и плюрализма мнений. Либеральная идеология не смогла вытеснить стереотипы коммунистической идеологии полностью. Весьма реальной опасностью стало усиление этнонационализма, который как бы предназначен для того, чтобы прийти на смену единой идеологической доктрине, опираясь на поддержку религии и религиозной философии в их различных вариантах и сочетаниях. По-видимому, такая тенденция имеется на самом деле. Она поддерживается, с одной стороны, региональными настроениями, осо-

¹ Исследование осуществлено при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проект № 96-03-04519).

бенно в новых суверенных республиках, а с другой — ностальгией по великодержавному положению царской России и СССР.

Задача настоящего доклада состоит в том, чтобы оценить значение этнонационализма: ведь исторический опыт — особенно опыт Германии и Японии накануне второй мировой войны — показывает, что именно этнонационализм оказывается важнейшей опорой движения в сторону авторитарных диктаторских режимов. При этом *под этнонационализмом мы имеем в виду разнообразные идейные и психологические установки, основанные на представлениях об исключительности собственной этнической группы, превосходстве ее над другими*, причем эти черты объясняются "прирожденными свойствами", восходящими к истокам возникновения данного этноса. Как правило, идея превосходства данной нации закрепляется в особых формах этнической или национальной сплоченности (например, обоснования высшего предназначения "национального государства") и поддерживается с помощью формирования образа враждебных сил и враждебных народов.

Вместе с тем при анализе этого сложного явления необходимо исходить из того, что *этнонациональные образования различного рода остаются основной формой существования человечества* в целом и из признания исключительного разнообразия как форм национального самосознания, так и тех социальных функций, которые осуществляются соответствующими его формами. Речь должна идти не о национализме как таковом, а о *множестве "национализмов"*, весьма существенно различающихся между собой в зависимости от конкретного социально-политического контекста. Следует признать также, что национально-этнические настроения, несмотря на свою видимую "укорененность", закрепляемую историческим опытом, являются весьма мобильными, прежде всего благодаря тому, что на комплекс этих настроений сильно воздействует политическая ситуация. Раскачивание национальных настроений в качестве средства мобилизации ресурсов политической борьбы против унитаризма и за суверенитет республик и регионов, вплоть до суверенитета России, дает одну этнополитическую ситуацию; задачи политической и экономической стабилизации России на путях постепенного упрочения демократизации порождают иную ситуацию в том числе и в таких сложных процессах, как "осознание" и декларирование национальных интересов.

О способах осмысления национальной принадлежности

Национальное бытие и национальное самосознание существуют у данного народа лишь постольку, поскольку существуют другие

народы и страны: национально-этническое "Мы" существует благодаря тому, что есть некоторые "Они", отличающиеся от данного "Мы" языком, культурой, историей и другими характеристиками. При этом у каждого этноса или национальной группы существует собственная совокупность референтных национально-этнических групп. Их выбор предопределен историей народа, этноса, нации. При этом в каждом национальном самосознании складывается своеобразная иерархия значимых инонациональных общностей. Так, в русском национальном самосознании обязательно присутствуют образы немцев, англичан, американцев, французов, евреев. На следующем уровне национального самосознания будут располагаться народы, населяющие Россию. Третий уровень будет занят народами, с которыми практически не было соприкосновений в историческом взаимодействии. Эта совокупность образов "других" так или иначе проецируется на восприятие собственной нации. В свою очередь образующаяся сложная проекция иных национальных групп рационализируется в виде обыденных представлений о том, кто такие "мы — русские" или "мы — немцы" и т.д.¹

Для проверки высказанной гипотезы мы использовали данные опроса, проведенного РНИСиНП (выборка составила 1464 человека в 12 регионах России, опрос проводился летом 1995 г., национальная принадлежность респондента в анкете не фиксировалась). Одна из задач опроса состояла в том, чтобы выяснить: каким образом в сознании людей фиксируется и рационализируется их собственная национальная принадлежность. Для решения этой задачи респондентам предлагалось избрать одно или несколько суждений из семи предложенных, каждое из которых несло различную смысловую нагрузку. Расположив предложенные суждения в порядке убывания, отметим, что наибольшее число голосов (48,6%) собирает такое понимание национальной принадлежности, которое можно назвать, используя терминологию Э.Дюркгейма, сакральным. Согласно этой точке зрения, национальность дана то ли Богом, то ли природой. Во всяком случае она не может быть изменена самим человеком — носителем данной национальности. Почти столько же (48,2%) избирают такое понимание национальности, которое можно было бы охарактеризовать как этноисторическое: "Благодаря национальной принадлежности у людей сохраняется память о предках, о Родине и ее истории". На третье место (41,2%) выходит патриотическое понимание национальности: человек должен гордиться своей нацией, своим народом. Четвертое место (с большим отрывом от первых трех, 16,4%) занимает суждение, выявляющее социально-политическую функцию нации — ее объединяющее начало, свя-

¹ Подробнее см.: *Здравомыслов А., Матвеева С.* Межнациональные конфликты в России и постсоветском пространстве. М, 1995.

занное с достижением общей цели. Заметим сразу же, что указание на противоположную (разъединяющую) функцию нации избирают только 6% респондентов. Далее следует общегражданское понимание национальности, которое допускает возможность сознательного выбора национальной принадлежности (9,7%). Оно в значительной степени противостоит чисто этническому пониманию национальности и тем более сакральной его трактовке. Поэтому выбор данной позиции заслуживает особого внимания.

Почти каждый десятый из респондентов избирает суждение, фиксирующее ультрасовременное отношение к национальности. "Понятие национальности устарело уже сейчас", — утверждают 11,8% опрошенных.

Весьма показательным, с точки зрения соотношения этноцентристских и общегражданских ориентаций, оказывается и распределение ответов на вопрос о необходимости сохранения в новом российском паспорте графы о национальной принадлежности. За фиксирование национальности в документе высказываются 45%, т.е. меньше половины. Почти каждый третий (31,5%) высказывает безразличие к этому вопросу и 23,1% вполне определенно высказываются за то, чтобы национальность в паспорте не фиксировалась. Последние и представляют собой долю населения, *преодолевающих* или уже *преодолевших чисто этническое понимание нации, и движущихся в своем сознании к ее гражданскому пониманию*. Аналогичные тенденции просматриваются и при ответе на вопрос анкеты: "Кем Вы ощущаете себя сегодня?" 7,3% опрошенных отказываются от национально-государственной принадлежности и объявляют себя "гражданами мира".

Было бы чрезвычайно интересно узнать, каково распространение обозначенной ориентации в других странах. Что касается Германии, то в опросе, проведенном журналом "Шпигель" в 1994 г. (были опрошены 2034 респондента на основе выборки, репрезентирующей немецкую молодежь в возрасте от 14 до 29 лет), были зафиксированы следующие позиции при ответе на вопрос: "Что для Вас означает понятие "нация"? 31% ответили "ничего", а 21% — "устаревшее понятие"¹.

Как свидетельствуют приведенные данные, наиболее значимыми способами осмысленной фиксации национальной принадлежности в индивидуальном сознании оказываются три главных момента: сакральный, этноисторический и патриотический. Через образ своей нации в структуру индивидуального и массового сознания входят три соответствующие группы мотивации. При этом для населения России наиболее характерным в настоящий момент оказывается комбинация

Spiegel. 1994. N 38. S. 90.

сакрального и этноисторического восприятия нации. Что касается собственно патриотического компонента национального самосознания, то оно проверялось с помощью вопросов о чувстве национальной гордости. Выяснилось, что "чувство гордости за свою нацию" испытывают "часто" всего лишь 27,4% респондентов, а "иногда" 47,5%. Немецкие молодые люди демонстрируют следующие показатели патриотичности. На вопрос: "Гордитесь ли Вы тем, что Вы немец или немка?" 52% отвечают "да" и 46% "нет".

В одном из вопросов нашей анкеты предлагалось и противоположное суждение: "Испытываете ли Вы чувства обиды или унижения в связи с Вашей национальностью?" 68% заявили, что они таких чувств не испытывают. Только 7% испытывают такие чувства часто и 25% — иногда.

Перекрестный анализ этих двух вопросов показывает, что в связи со своей национальной принадлежностью часто испытывают как гордость, так и обиду всего около 2%, а не испытывают ни того, ни другого чувства — 20%. Следовательно, среди основной массы *российского населения* не наблюдается в настоящее время острого чувства переживания кризиса национальной идентичности. Проблема принадлежности к своей нации не раскалывает здесь общественное мнение пополам, как в Германии, где одни гордятся тем, что они немцы, а другие, переживая последствия гитлеровского режима, стыдятся принадлежности к своей нации. Таким образом, явный поворот к националистическим идеологическим конструкциям, наблюдающийся в программах некоторых политических партий и движений радикального толка, не получает безоговорочной поддержки в массовом сознании.

Анализ полученных данных не подтверждает ни гипотез о широком распространении комплекса неполноценности в массовом сознании россиян в связи с распадом СССР и потенциальной агрессивности, обусловленной "поражением социализма в холодной войне", ни достаточно широко распространенных суждений об аналогичности ситуаций в современной России и в Германии после ее поражения в первой мировой войне. Можно сказать, что распад СССР подействовал на национальное самосознание россиян не через идею "поражения", которая требует "реванша", а через практическое восприятие судеб русского населения во вновь образованных государствах. Поэтому *в России* (во всяком случае на основной части российской территории) *национальные чувства не стали доминирующими*, в массовом своем варианте они весьма слабо коррелируются с демократическими или антидемократическими установками населения.

Апелляция к национальной идее, в том числе и к "русской идее", гораздо более свойственна интеллектуальной элите, особенно той ее

части, которая занята либо поисками новой объединяющей идеи, способной заменить идею социализма, либо вовлечена в борьбу за власть в национальных регионах и на федеральном уровне. Иное дело — ситуация в суверенных республиках. Значительная часть интеллектуальной и политической элиты новых государственных образований всерьез озабочена поисками обоснований национальной идентичности в качестве предпосылки *переформулирования национальных интересов*.

О формах радикального национализма

Проанализированные выше данные не дают основания для вывода о том, что в массовом сознании россиян вообще отсутствует национализм, в том числе и в его крайних формах. Не случайно 66,8% респондентов соглашались с тем, что "фашистские группировки представляют собой большую опасность для общества. Таких людей надо судить по закону о разжигании межнациональной вражды". Да и спектр политических группировок и партий в России показывает, что существуют "баркашовцы", "национал-социалисты", эксплуатирующие антисемитские настроения и лозунги, включающие в свою политическую символику фашистскую атрибутику.

Насколько же распространен в массовом сознании радикальный национализм в настоящее время? При прямой постановке вопроса поддержку "русским националистам", сторонникам возрождения русской нации и поиска самостоятельного "русского пути" выразили 10,5% опрошенных, а 7,3% поддержали идею "величия, национальной уникальности, особой исторической миссии русского народа". В то же время 41,4% поддержали "идею единения народов России в целях ее возрождения как великой державы". При этом, как показал анализ, декларативное признание поддержки величия и уникальности, равно как и мессианства русского народа не отражается существенным образом на оценках политической ситуации в стране и на приверженности тоталитарным или демократическим установкам. Отсюда следует важный вывод: *в массовом сознании россиян идея возрождения России воспринимается как идея наднациональная*. В свою очередь это можно интерпретировать в том смысле, что в ходе демократических преобразований, как бы болезненны они не были, постепенно утверждается не этническое, а гражданское самосознание российского населения.

В ходе исследования важно было выявить латентные формы национализма, которые оказалось возможным зафиксировать на основе совпадения ряда позиций, заложенных в анкете.

Так, при анализе вопроса, фиксирующего восприятие ценностных суждений, нами на основе группировок разных позиций были выделены три наиболее интересных парных комбинации ответов, показывающие разное восприятие национальной проблематики и, следовательно, разные формы национального самосознания. Наиболее распространенным парным сочетанием оказалась комбинация ответов относительно России: "Нужно повернуться лицом к миру, стать такими, как все", и "Только подняв экономику и утвердив демократию, мы заставим мир себя уважать". Из 1462 респондентов 846, т.е. около 60%, объединились в выборе этих суждений. Это показатель распространенности *нормального* национального самосознания россиян, не обремененного ни чувством национальной исключительности, ни враждебности к другим народам.

Но есть и другие сочетания, которые мы использовали в качестве показателей психологических синдромов, выражающих разные грани радикальной националистической установки.

Во-первых, это *синдром ощущения внешней угрозы* России. Он образуется путем объединения респондентов по двум позициям: "Россия — великая держава, она должна заставить другие государства и народы себя уважать", и "России грозит агрессия из-за рубежа". Согласных с обоими названными суждениями оказалось 16,3%.

Еще менее распространенным оказался *антизападный синдром*, объединяющий тех, кто высказал негативную позицию как по отношению к американцам, так и по отношению к немцам. Таких оказалось 6,9%. Сопоставляя эти данные с иными ответами на вопросы нашей анкеты, можно прийти к выводу, что *психологическая база радикально-экстремистского национализма составляет от 7 до 17% населения*. Однако и этот национализм не представляет ныне однородной массы. Как мы видим, значительная часть экстремистских устремлений питается ощущением угрозы того, что Россия утратит национально-государственную самостоятельность и что лозунг вхождения ее в мировой рынок и в сообщество "цивилизованных государств" есть лишь прикрытие реальной политики, направленной на ее закабаление и превращение в полуколониальную державу.

Среди той части населения, которая подвержена синдрому внешней угрозы, гораздо выше, чем в среднем по массиву, показатели авторитарного сознания. Так, у них на 13 пунктов выше средних показатели согласия с необходимостью появления в России "сильной личности" в целях установления порядка в стране, и на 11 пунктов выше согласие с тем, что демократические процедуры — пустая видимость. Еще более отчетливо прослеживается связь между радикальным национализмом и авторитарным сознанием при сопоставлении той цены, которую люди готовы заплатить за установление в стране "порядка" (табл. 1).

Уровень поддержки мер авторитарной политики по массиву в целом и теми, у кого наблюдается синдром внешней угрозы (в % к числу опрошенных)

Меры авторитарной политики	Все опрошенные (1464)	Опрошенные, ощущающие угрозу (239)
Изъятие у части так называемых "новых русских" (современных богачей) несправедливо нажитых ими состояний, даже с помощью насильственных мер	45,2	69,0
Упрощение процедуры судопроизводства при рассмотрении наиболее тяжких уголовных преступлений	35,0	46,9
Использование военных средств для преодоления конфликтов, грозящих целостности России	25,6	38,1
Запрещение забастовок и других массовых выступлений на переходный период	18,0	27,2
Приостановление деятельности парламента на переходный период и сосредоточение всей власти в руках президента и правительства	18,1	24,7
Военный переворот, произведенный патриотически настроенными военными с целью наведения порядка в стране	13,6	28,9
Отмена на ближайшие годы всех выборов	12,4	18,0
Ограничение свободы выезда из страны	10,3	20,9
Запрещение деятельности политических объединений и газет, которые выступают против нынешней власти, требуют ее скорейшего устранения	10,6	20,5

Как видно из табл. 1, значимые различия в ответах наблюдаются по всем без исключения позициям, что позволяет эмпирически констатировать сильную взаимозависимость между радикальными формами национального самосознания и авторитаризмом.

В целях более объемного представления национального самосознания россиян необходимо рассмотреть, как ими воспринимаются другие национальные общности, исторически сложившиеся в качестве референтных групп русского самосознания. При решении этой задачи прежде всего выясняется, что 81,3% респондентов согласны с общим тезисом, что «не бывает "плохих" и "хороших" наций» и только 7,7% придерживаются противоположного мнения. Стоит отметить, что этот показатель национально-оценочных ориентаций весьма существенно расходится у мужчин и женщин: 11,0 против 4,6%. Иными словами, маскулинное сознание более националистично. Линейной зависимости от возраста и образования в данном случае не прослеживается. Более чем в два раза выше среднего этот показатель у военнослужащих (15,4%) и наименьший (всего 3,3%) у гуманитарной интеллигенции.

Приведем соотношения согласия и несогласия с суждениями, выражающими некоторые стереотипные негативные формулы относительно немцев и американцев. С тем, что "немцы — исконные

враги русских" соглашаются только 11,6%, а более 70% с этим не согласны. Это, примерно соответствует распространенности этноцентрических ориентаций в массовом сознании.

Что касается отношения к американцам, то предложенное стереотипное суждение — "американцы всегда и везде ведут себя нагло" — нашло поддержку 25% респондентов при 46,6% не согласных и 26% уклонившихся. Нужно заметить, что предложенное суждение не содержит в себе "антирусского компонента". Поэтому и дифференцирующая способность данного суждения гораздо слабее, более того, антинемецкие и антиамериканские настроения в данном случае не могут сопоставляться между собой, поскольку смысловые нагрузки предложенных суждений несопоставимы.

СССР или Россия

В течение четырех лет, прошедших со времени распада СССР, массовое сознание россиян постепенно адаптируется к новому политическому статусу России и других стран, возникших на постсоветском пространстве. Разумеется, это переосмысление ситуации происходит крайне болезненно и сложно, особенно для тех групп населения, которые прожили всю жизнь, имея в качестве духовной опоры социалистическое мировоззрение и ощущение исторического смысла своего бытия в самом факте причастности к политике одной из двух ведущих держав мира. Однако опросы общественного мнения позволяют констатировать, что ностальгия по СССР уходит в прошлое и что все большая часть населения осознает себя гражданами России. Понятно, что целесообразность развития связей в масштабах СНГ никем не оспаривается, но в то же время все в большей мере осознается невозможность возвращения к прежним формам отношений: самостоятельность новых государств — дело признанное, а вопрос о взаимоотношениях между ними будет решаться на основе взаимного учета вновь обозначившихся интересов.

Согласно данным нашего опроса, 44% респондентов считают, что распад СССР — "это беда для многих людей, живущих в республиках бывшего СССР", 30% — "в этом есть и хорошие, и плохие стороны", а 14% — "это катастрофа мирового значения", 5% — "Благодаря этому создались условия для возрождения России и республик бывшего СССР" и 3% — "это положительное событие мирового значения".

На первое место в оценке свершившегося (44%) выступает момент вполне реалистический — личная драма большого числа русских, оказавшихся "за пределами *своей* страны" и поставленных перед выбором: ехать в Россию или оставаться на прежних местах. На второе место выходит позиция, усматривающая в распаде СССР и

хорошие, и плохие стороны. Эта точка зрения представляет мнение более 30% россиян. Что касается оценки распада Союза в категориях "мирового масштаба", то в этих крайне обобщенных терминах данное событие рассматривают лишь 17,3% респондентов, при этом 3,2% как "положительное событие мирового значения".

Распределение ответов на этот вопрос не следует однако еще рассматривать как отказ от надежды на восстановление Союза. Лишь четвертая часть респондентов (23,5%) считают, что "Россия должна остаться самостоятельным государством, ни с кем не объединяясь". Почти столько же (23,1%) полагают, что "следует восстановить СССР как единое государство в полном объеме — в его прежних границах". При этом еще треть опрошенных полагают, что "следует создать единое славянское государство". А почти каждый пятый из общего числа респондентов "затрудняется ответить" на вопрос о желательном будущем России с этой точки зрения.

Приведенные выше данные свидетельствуют о том, что в массовом сознании произошел своего рода перелом в пользу примирения с произошедшими изменениями. Об этом же свидетельствует и тот факт, что при ответе на вопрос: "Кем Вы ощущаете себя сегодня?" 53,1% опрошенных отвечают, что "чувствуют себя гражданами России" и только 15,5% — "гражданами СССР". Заметно уменьшилось в сравнении с предыдущими опросами и число неопределившихся, избирающих при ответе позицию "сам не знаю кем". Теперь их — 22,9%.

Между тремя предлагаемыми суждениями, обозначающими разное место русской нации в российском государстве, голоса опрошенных распределились следующим образом (в % к числу ответивших): "Россия — общий дом многих народов, оказывающих друг на друга свое влияние. Все народы России должны обладать равными правами, и никто не должен иметь никаких преимуществ" — 73,6; "Россия — многонациональная страна, но русские, составляя большинство, должны иметь больше прав, ибо на них лежит ответственность за судьбу страны в целом" — 13,1; "Россия должна быть государством русских людей" — 8,1%.

В пользу этнократического государства высказывается, следовательно, лишь незначительная часть респондентов, а подавляющее большинство опрошенных занимают вполне цивилизованную позицию по этому вопросу.

Образ Запада и образ России

Важная альтернатива национального самосознания связана с восприятием традиционной проблемы взаимоотношения России и Запада. В данном случае в качестве своего рода "идеологических конструкторов" конкурируют прозападная и изоляционистская уста-

новки. Однако на уровне массового сознания эти установки переплетаются самым причудливым образом. В массовом сознании достаточно широко распространен стереотип недоверия к Западу вообще. Об этом, в частности, свидетельствует то, что только 7,3% россиян, по данным нашего опроса, соглашались с мнением, что "Запад искренне хочет помочь России". В четыре раза больше (31%) считают, что "нас хотят ослабить, превратить в зависимое государство". Большая же часть (44%) полагают, что "нам помогают из корыстных соображений, но это вполне естественно".

Проведенный опрос позволил вместе с тем получить картину более дифференцированного отношения к странам западного и восточного мира. В анкете предлагалось высказать положительные или отрицательные чувства по отношению к десяти наиболее известным странам мира. Приведем проранжированные данные, свидетельствующие о своего рода балансе социальных эмоций по отношению к этим странам (табл. 2).

Как видно из табл. 2, при более конкретной постановке вопроса не о Западе вообще, а о конкретных странах, более выпукло выявляются позитивные стереотипы и эмоции. На первом месте среди первой четверки западных стран по высказываемым положительным чувствам оказывается Франция. За нею следуют с небольшим отрывом США, Англия и Канада. Стоит обратить внимание на то, что США вызывают наибольшее число негативных чувств в этой группе стран. Не исключено, что первая четверка стран выделяется в силу того, что в исторической памяти населения они фигурируют как союзники во второй мировой войне.

Далее следуют две страны, находившиеся по другую сторону фронта в этой войне. Их оценки почти совпадают. При этом от Канады

Таблица 2

Распределение стран в зависимости от соотношения положительных и отрицательных эмоций (в % к числу опрошенных)

Страна	Эмоции		Затруднились с ответом
	положительные	отрицательные	
Франция	78,9	3,0	18,1
США	77,5	9,0	13,5
Англия	76,6	4,2	19,2
Канада	72,8	2,4	24,8
Германия	69,0	11,5	19,5
Япония	68,5	9,2	22,3
Индия	59,4	4,8	35,8
Китай	41,2	21,1	37,7
Израиль	40,8	20,4	38,8

Германию отделяют всего 4 пункта в ряду положительных оценок, и отрицательная позиция Германии оказывается только на 2,5 пункта меньше, чем у США. Особенно резкий скачок в нарастании негативных оценок этих стран происходит в возрастной группе старше 60 лет, т.е. среди поколения, которое помнит бедствия, причиненные нашествием германского фашизма. И все же почти у 70% россиян образ Германии ныне вызывает позитивные эмоции, и только у 11% — негативные! Этот результат — свидетельство того, что в русском национальном самосознании остается очень немного места для образа врага, что память о войне все в меньшей степени соединяется с "войной" немцев как единой нации.

Выводы

Проанализированный выше материал позволяет прийти к следующим выводам:

1. Этноцентризм в России, в том числе и среди русского населения, не является более распространенным социально-психологическим комплексом, чем в других странах Европы. В национальном самосознании российского населения нет явно выраженного "образа врага", который бы фокусировался на какой-либо иной национальной группе внутри страны или за ее пределами или же на иной стране. В этом отношении попытки усмотреть аналогию между постсоветской Россией и Германией периода Веймарской республики не получают эмпирического подтверждения. Экстремистские настроения в национальной политике и попытки сконструировать образ врага в лице Запада не опираются на сколько-нибудь массовую поддержку.

2. Однако сказанное не исключает наличия национального экстремизма. В целом по России распространенность таких настроений и установок оценивается от 7 до 17%. (Без учета зон и регионов, в которых национально-этнические конфликты приобрели открытую форму.) Одним из наиболее важных источников таких настроений является страх за судьбу российской государственности, порождаемый не только внутренними, но и внешними факторами. Наше исследование подтверждает тесную взаимозависимость между крайними формами национализма и антидемократическими, авторитаристскими политическими установками. А это означает, что процесс демократизации России есть процесс не только внутренний. Он имеет важные международные аспекты: любая демонстрация ущемления российских интересов повышает чувство страха, сплачивает националистические элементы и усиливает авторитаристские тенденции.

3. Чрезвычайно важно, что даже Германия и Япония перестали в современном массовом сознании россиян ассоциироваться с обра-

зом врага. За 50 лет послевоенной истории в сознании людей, в их отношении к Германии и немцам произошла глубокая позитивная трансформация. Она опирается на реальный опыт сотрудничества россиян и немцев во многих областях жизни.

4. Большая часть россиян рассматривает свою страну в качестве великой державы, опираясь на исторический компонент национального самосознания и на оценку вклада России в развитие мировой культуры. Подавляющему большинству чуждо стремление силой доказывать свои права на статус великой державы в мировом сообществе. Ощущение того, что с Россией перестали считаться в соответствии с ее историческим статусом, не порождает в настоящее время массовые настроения реваншизма: распад Союза рассматривается неоднозначно и по этому вопросу нет консенсуса. Консенсус наблюдается в осознании того факта, что успехи в развитии экономики и укреплении демократии и будут главным средством повышения авторитета современной России в международном сообществе.